

семинара читали ведущие ученые из институтов Академии наук СССР, университетов и архитектурно-градостроительных институтов Москвы и Ленинграда, Музея истории религии и атеизма, а также реставрационного объединения — института «Спецпроектреставрация» Министерства культуры РСФСР.

Научное руководство школой-семинаром осуществляли заведующий кафедрой антропологии и этнографии ЛГУ им. А. А. Жданова Р. Ф. Итс, ректор Архангельского пединститута А. А. Куратов, автор Генерального плана Архангельского музея деревянного зодчества Б. В. Гнедовский.

Для участников школы-семинара музей совместно с Архангельским областным научно-методическим центром по изучению народного творчества устроил большой фольклорный праздник, где свое мастерство показывали народные умельцы и фольклорные группы. Праздник открылся Северными Звонами, а завершился катанием на русских рысаках.

Первая Всесоюзная школа-семинар, организованная по инициативе Архангельского музея деревянного зодчества, явилась действенной формой учебы для молодых специалистов музейного дела.

Архангельский музей активно сотрудничает с другими музеями деревянного зодчества. Так, в 1979 г. в музеях Львова и Ужгорода была показана фотовыставка Архангельского музея деревянного зодчества «Архитектура Северной России», посвященная 325-летию воссоединения Украины с Россией. К этому же событию была приурочена выставка «Украинская народная живопись», организованная в Архангельске на территории музея совместно с Музеем народной архитектуры и быта УССР. В сотрудничестве с этим же музеем в 1981 г. демонстрировалась выставка «Украинская народная сорочка». Выставка «Народное искусство Русского Севера» — результат совместной работы с Музеем этнографии и художественных промыслов АН УССР и Львовским отделением Союза художников УССР в 1980 г. Еще одна выставка «Вышивка, ткачество и народный костюм Русского Севера» работала в Риге зимой 1981/82 г. В ее организации вместе с сотрудниками Архангельского музея принимали участие сотрудники Латвийского этнографического музея под открытым небом.

Все более возрастает интерес к Архангельскому музею деревянного зодчества. Его роль в северорусской культуре можно сравнить с ролью Государственного Северного русского народного хора. Собственные выставки музея, как и выставки, создаваемые в содружестве с другими музеями, способствуют пропаганде этнографических знаний, патриотическому и интернациональному воспитанию трудящихся.

Л. Т. Соловьева

**ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ ПЕРВЫХ ЛЕТ
ЖИЗНИ РЕБЕНКА У ГРУЗИН ХЕВСУРЕТИ
в конце XIX — начале XX в.**

Одной из характерных черт традиционно-бытовой культуры каждого народа является обрядовое оформление важнейших событий в жизни человека. Жизнь ребенка в этом отношении не является исключением: обрядовая сторона ее чрезвычайно богата и интересна, и не случайно эта тема привлекала и продолжает привлекать внимание многих этнографов¹. В кавказоведении этот вопрос наиболее изучен на северо-

¹ Зарубин И. И. Рождение шугнанского ребенка и его первые шаги. Ташкент, 1927; Троицкая А. Л. Рождение и первые годы жизни ребенка у таджиков долины Зеравшана. — Сов. этнография, 1935, № 6; Абрамзон С. И. Рождение и детство киргизского ребенка. — Сборник Музея антропологии и этнографии (далее МАЭ). Т. XII. Л., 1949;

кавказских материалах², по Закавказью имеется лишь несколько подобных работ³. Интерес к этому обрядовому комплексу вызван тем, что его изучение делает более полным наше представление о духовной культуре народа, особенностях его мировоззрения и религиозных верований, о некоторых чертах его социальной организации в прошлом. Вместе с тем обряды детского цикла являются составной частью многостороннего процесса социализации ребенка, т. е. одной из важнейших проблем современной этнографической науки⁴.

Данная статья посвящена анализу обрядовой стороны первых лет жизни ребенка в одном из районов горной Грузии — Хевсурети, района, представляющего особый интерес для этнографии, поскольку из-за природной изоляции и замедленности социально-экономического развития там вплоть до начала XX в. в быту сохранялись многие традиционные институты, исчезающие или исчезнувшие к тому времени из быта населения других частей Грузии.

Рождение ребенка было у грузин Хевсурети важнейшим событием в жизни семьи и всего родственного коллектива, считалось необходимым и обязательным поздравить семью с появлением на свет новорожденного. Так, уже через несколько дней после рождения ребенка к матери новорожденного, находящейся в специальном помещении — *самревло*⁵, приходили ее родственницы и подруги, приносившие ей *када* — пирог с начинкой, а «на долю младенца» — лепешку (*кубати*), говоря: «Када матери и кубати младенцу, да не будет он обречен быть без доли». Навестить женщину в этот момент считалось обязанностью всех, кто поддерживал с ее семьей родственные и дружеские отношения. По этому поводу говорили: «Кто не пришел в самревло и не поздравил женщину со спасением и рождением ребенка, поступил как враг, а не как друг». Обычно пирог, испеченный на масле, приносили только матери мальчика, если же рождалась девочка — приносили простой ячменный хлеб⁶.

Родственники обязаны были также прийти с поздравлениями в дом новорожденного, принести гостинцы — *масанахави*: бурдюк водки (*арак*) и большой пирог с начинкой из муки и масла (*хавициани када*); кроме того, для детей приносили лепешки, причем одна из них предназначалась специально для новорожденного. Число поздравлявших было большим в том случае, если в семье рождался мальчик. Подобные поздравления (*масанахавис мотана* — принесение *масанахави*) можно было делать в течение года, особенно в том случае, если родственники жили далеко. Поздравления обычно начинались после возвращения женщины из самревло, однако если рождался долгожданный мальчик, то близкие родственники не ожидали ее возвращения и спешили поздравить семью. В честь каждого поздравителя (*мемасанахаве*) в доме устраи-

Федянович Т. П. Мордовские народные обряды, связанные с рождением ребенка. — Сов. этнография, 1979, № 2, и др.

² Смирнова Я. С. Воспитание ребенка в адыгейском ауле в прошлом и настоящем. — Уч. зап. Адыгейского НИИЯЛИ, т. 8. Майкоп, 1968; *ее же*. Детский и свадебный циклы обычаев и обрядов у народов Северного Кавказа. — Кавказск. этнографический сборник. Т. VI. — Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. 106. М., 1976; Бесаева Т. З. Обряды и обычаи осетин, связанные с рождением и воспитанием ребенка: Автореф. канд. дис. М., 1976, и др.

³ Бардавелидзе В. В. Ритуал, связанный с рождением ребенка в горной Картли. — Вестник Музея Грузии. Тбилиси. Т. IV, 1928 (на груз. яз.); Мачавариани Е. Д. Воспитание ребенка в Мтиулет. — Вестник государственного музея Грузии, т. XIX — XXIV. Тбилиси, 1957 (на груз. яз.); Смирнова Я. С. Воспитание ребенка у абхазов. — Краткие сообщения Ин-та этнографии. М., в. XXXVI, 1962.

⁴ См. Кон И. С. Этнография детства (Проблемы методологии). — Сов. этнография, 1981, № 5.

⁵ «Самревло» — специально возведенная постройка, где женщина находилась в течение четырех — шести недель после родов.

⁶ Макалатия С. И. Хевсурети. Тбилиси: Грузинск. краеведческ. о-во, 1940, с. 155; Тедорадзе Г. Пять лет в Пшави и Хевсурети. Тбилиси: Заря Востока, 1941, с. 158.

вали угощение, произносили здравицы в честь новорожденного и его родителей⁷.

В отличие от равнинных районов Восточной Грузии в Хевсурети каждому ребенку в большинстве случаев давалось несколько имен: «имя святилища» (*джварис сахели*)⁸, «имя по крещению» (*натлобис сахели*); нередко также давали «имя души» (*сулис сахели*), причем имя по крещению зачастую забывалось. Так, один из священников в конце XIX в. отмечал, что «хотя хевсурам и пшавцам при крещении даются имена святых, но по издавна принятому обычаю они переменяют эти имена на новые, причем, бывает, одно и то же лицо имеет четыре нехристианских имени»⁹.

«Именем святилища» мать называла ребенка в первые же дни после рождения, так как это имя считалось надежной защитой от «злых духов». Мальчикам давали имена Георгий (Гиорги, Гиорга, Горги) или Гвтисо (Хтисо, Хтиса, Хтисика), девочкам — Мариам, Мзекали (Мзекала), Самдзимари (Дзило, Дзила, Дзилукаи), Ашекали (Ашека)¹⁰. Наречение «именем святилища» происходило следующим образом: мать брала ребенка на руки и говорила: «Ты на имени Георгия и будешь зваться Георгием» или же «Ты на имени Матери Мариам и будешь зваться Мариам» и т. д.¹¹ Натлобис сахели давалось ребенку священником при крещении.

«Имя души» ребенку давали в том случае, если он часто плакал, был неспокоен. Гадалка (*сулис мкитхави*) определяла, какой из покойников «беспокоит» ребенка, «требуя» назвать его своим именем. Определить это родители могли также, увидев во сне, что какой-то покойник сел у колыбели и качает ее. Случалось, что ребенок уже умеющий говорить, сам называл имя какого-нибудь покойника, и это считалось знаком, что ребенка надо назвать его именем. «Именем души» называли как девочек, так и мальчиков, причем только именами покойников-родственников и лишь в очень редких случаях именами умерших односельчан.

Во время наречения «именем души» мать ребенка выпекала особый хлеб — *сахелсадеби пуреби*, т. е. «хлеб для наречения именем», готовила кушанья. По представлениям хевсур, ими угощался покойный, именем которого называли ребенка. Затем женщина произносила, обращаясь к покойному, следующую молитву «Эта табла (столик с угощением) да будет тебе на пользу, будет принадлежать тебе. Пусть твой тезка (*месახеле*) будет иметь добрую судьбу, добрую участь. Когда будет взрослым, пусть тебя помнит, тебя поминает. Если прилично будет тебе войти в мой дом, эта табла да будет благодатной для тебя». Случалось, что и после наречения «именем души» ребенок продолжал плакать, капризничать. Причину этого видели в том, что и другой покойник претендует на то, чтобы его именем называли ребенка. Нередко мать видела во сне, как этот второй покойник отстранял первого от колыбели ребенка, говоря: «Уходи отсюда, этот дом принадлежит мне, у тебя же здесь нет дел», или упрасивал его: «Молю тебя, уступи мне этот дом. Уходи отсюда». Такому сну, как правило, верили и давали ребенку новое «имя души»¹².

⁷ Очиаури А. А. Обычай гостеприимства в Хевсурети. Тбилиси: Мецниереба, 1980, с. 6—8 (на груз. яз.); Институт истории, археологии и этнографии АН ГССР им. И. А. Джавахишвили. Архив Отдела этнографии Грузии, д. М1/12. Балиаури М. Рождение и воспитание ребенка в Хевсурети (Архотская община) и связанные с этим пережитки суеверий, л. 180—183 (на груз. яз.).

⁸ Джвари (букв.—крест) — название божеств и святилищ в их честь в горных районах Восточной Грузии.

⁹ В. Гзелиев. Отчет о состоянии Пшаво-Хевсурского благочиния, Тионетского уезда за 1898 г.— ЦГИА ГССР, ф. 493, д. 846, л. 32 об.

¹⁰ Бардавелидзе В. В. Из истории религиозного мышления грузин.— Мимомхилвели. Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1949, т. 1, с. 151 (на груз. яз.); Самдзимари, Ашекали, Мзекали, по представлению хевсур, нареченные сестры божества Хакматис джвари, считавшиеся покровительницами деторождения и материнства.

¹¹ Балиаури М. Указ. раб., л. 32.

¹² Там же, л. 169—170.

В Хевсурети существовало убеждение, что ребенок, названный именем покойного, приобретал некоторые его черты: походил на него характером, поведением, походкой, а также являлся как бы его «заместителем» на земле. Поэтому родственники умершего могли даже обращаться к ребенку (вне зависимости от его возраста) так, как они обращались бы к своему покойному родственнику: «Мама» (Деда), «Брат» (Дзмао) и т. д.¹³ Члены семьи покойного, чьим именем называли ребенка, считали его близким родственником и на Новый год приносили гостинцы — араку и «лепешку судьбы» (*бедисквери*)¹⁴. Обычай давать детям имена умерших родственников был известен и другим народам Кавказа и, видимо, генетически связывается с культом предков¹⁵. Наречение ребенка «именем души» было принято в горных районах Восточной Грузии (Пшави, Хевсурети, Мтиулети, Хеви)¹⁶.

Особые магические церемонии сопровождали всю жизнь ребенка. Так, при появлении у него первого зуба мать пекла для человека, который первым это заметил, када или кубати¹⁷. Появление у ребенка первого зуба было для семьи радостным событием, поскольку считалось, что с этого времени он находится в большей безопасности от действия «нечистых сил». Из дома, где был «беззубый младенец», после захода солнца никому огня не давали, так как считалось, что из-за этого «младенец может остаться беззубым». Если же в том была крайняя необходимость, то взявший огонь должен был бросить один уголек обратно в очаг и сказать: «Осеняю ребенка крестом, я вернул огонь»¹⁸. Подобный запрет существовал и в других районах Грузии (Кахети, Мтиулети)¹⁹.

Когда выпадал молочный зуб, считалось необходимым выполнить определенные действия, чтобы новые зубы росли крепкими и жизни ребенка ничто не угрожало; ребенок, закрыв глаза, старался забросить зуб подальше, при этом трижды повторял: «Пока тебя не увижу, буду жив. Пока тебя не увижу, не постарею, не умру»²⁰.

Особым обрядом сопровождалась у грузин Хевсурети первая стрижка волос мальчика (к девочкам это не относилось). Обряд назывался *тавмасапарсав сахмто* — «[жертвоприношение] богу по случаю стрижки головы», часто его называли тавмасапарсо или сахмто. Исполнялся он, когда мальчику было от 3 до 5 лет. По свидетельству Г. Тедорадзе, этот обряд нередко приурочивали к одному из поминальных дней по кому-нибудь из родственников, причем обязательно в начале нечетного года²¹. До этого времени, когда волосы ребенка доросли до глаз, их подравнивали, так как считалось, что, если ребенок увидит волосы, с которыми он родился (*намуцлави тма*), у него будет «дурной глаз»²². Мальчику волосы обрезал всегда мужчина, при этом на затылке оставляли нетронутую прядь — *кучула*. Девочек мог стричь любой человек, когда хотел; волосы девочки выбрасывали, мальчика же — хранили в таком месте, где на них никто «не ступил бы ногой».

При подготовке к тавмасапарсо в семье мальчика варили пиво, гнали араку; их родственники и знакомые тоже готовили к этому дню ара-

¹³ Балиаури М. Указ. раб., л. 168—171; Балиаури М., Макалатия Н. Культ мертвых в Архотском обществе. — Материалы по этнографии Грузии. Тбилиси: Изд-во Груз. филиала АН СССР, 1940, т. III, с. 42 (на груз. яз.).

¹⁴ Бардавелидзе В. В. Указ. раб., с. 154.

¹⁵ Зеленин Д. К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. — МАЭ. Т. IX. Л., 1930, с. 119.

¹⁶ Бардавелидзе В. В. Указ. раб., с. 151.

¹⁷ Тедорадзе Г. Указ. раб., с. 159.

¹⁸ Балиаури М. Указ. раб., л. 162—163.

¹⁹ Мачавариани Е. Д. Указ. раб., с. 258; Степанов И. Приметы и поверья грузин Телавского уезда. — Сборник для описания местностей и племен Кавказа. В. XIX. Тифлис, 1894, с. 86.

²⁰ Балиаури М. Указ. раб., л. 178.

²¹ Тедорадзе Г. Указ. раб., с. 96.

²² Первые волосы считались «нечистыми» у многих народов Кавказа (см. Покровский Е. А. Физическое воспитание детей у разных народов, преимущественно России. М., 1884, с. 290).

ку, чтобы не идти в гости «с пустыми руками». На сахмто приглашали родственников, друзей, односельчан. Вечером накануне того дня, когда мальчика должны были остричь приглашенные собирались. Служитель «джвари» открывал чан (*коди*) с пивом, прикреплял к нему свечи и клал рядом хлеб «для освящения коди» — *код-самкуртхевло*. Затем он молился, славил пиво и код-самкуртхевло, наливал пиво в специальный котел (*сацде*). Присутствующие слушали молитву стоя, мужчины при этом снимали шапки. После завершения молитвы все садились за стол. Один из молодых людей брал зажженный келаптари (толстую свечу, свитую из нескольких свечей) и чашу с пивом и обносил по очереди всех присутствующих — сначала мужчин, потом женщин. Держа в руках чашу и келаптари, каждый должен был произнести здравицу в честь мальчика, для которого справляли сахмто, например: «Да помилует, да поможет тебе великий благословенный *сахмто-саведребело*²³, даст тебе счастливую жизнь, добрую участь-судьбу. Да поможет, да поддержит тебя великий сахмто-саведребело, вырастит тебя на благо отца и матери. Чего просит родительское сердце у благословенного сахмто и святых, пусть то и свершится. Мать и отец!.. Господь и великий сахмто сделают его вашим защитником, дадут ему похоронить вас. Пусть радуется он вашему сердцу. Вырастит его таким, великий сахмто, сделай его победителем, приносящим горе и беспокойство врагу, милым для родителей, радостью и гордостью села и общины...»²⁴.

На следующее утро на крыше дома закалывали животных: барана (*сахмто*) — жертвоприношение богу Гмерти и козла (*саквирао*) — жертвоприношение богу Квириа²⁵. Таким образом, обряд стрижки волос мальчика сопровождался принесением двух жертв, поэтому обряд иногда также называли *сахмто-саквирао*. Присутствовавшие вновь благословляли ребенка и его родителей: «Да будет милость сахмто-саведребело, да вырастит его, даст ему потомство. Господь и великий сахмто дадут ему добрую судьбу-участь. Пусть они много раз приведут нас в этот дом на сахмто, на стрижку волос мальчиков...». Когда «благословение» завершалось, один из мужчин (как правило, для этого выбирали неженатого человека) приступал к стрижке. Если ребенку было три года, ему на голове выбривали только крест, так как до пяти лет голову мальчика оголять не разрешалось, если же пять лет — брили наголо. Во время стрижки все снова молились о том, чтобы бог дал ребенку «добрую судьбу». Срезанные волосы мать хранила, а впоследствии их клали с ней в могилу. После этого гостей угощали вареным мясом, и на этом сахмто завершалось²⁶.

В основе обрядов и обычаев, связанных с обрезанием волос ребенку, лежали представления о присущей им магической силе, широко распространенные во всех районах мира²⁷. Особые обряды по случаю этого события были известны и другим народам Кавказа²⁸. Кроме того, характерно, что в Грузии стрижка волос имела место при выполнении

²³ Сахмто-саведребело — название приносимой жертвы, к которой обращались как к посреднику между людьми и богом (букв. — жертва для моления Гмерти). Гмерти (букв. — бог) — одно из верховных божеств грузинского языческого пантеона, олицетворявшее луну; по народным представлениям, верховный законодатель и учредитель порядка на земле и на небе. См. Бардавелидзе В. В. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1957, с. 2, 15.

²⁴ Балиаури М. Указ. раб., с. 209—210.

²⁵ Квириа — одно из верховных божеств грузинского языческого пантеона, генетически связанное с культом огня и домашнего очага. По народным представлениям, он, как и Гмерти, мог «приумножать» людской род. В молитвах о даровании мальчиков обращались обычно к двум божествам вместе — к Гмерти и Квириа (см. Бардавелидзе В. В. Указ. раб., с. 2, 19—20).

²⁶ Балиаури М. Указ. раб., л. 177, 207—212; Долидзе Г. Г. Хевсурские тексты. Тбилиси: Изд-во Тбилисск. ун-та, 1975, с. 36, 37, 54 (на груз. яз.); Габуаури Б. Хевсурские материалы. — Ежегодник грузинск. лингвистического о-ва. В. I—II. Тбилиси, 1925, с. 130—131 (на груз. яз.).

²⁷ См. Фрезер Д. Золотая ветвь. В. II. М., 1928, с. 76.

²⁸ Смирнова Я. С. Указ. раб., с. 118; Муратхан В. П. Обычаи, связанные с рождением и воспитанием ребенка у сирийцев СССР. — Сов. этнография, 1937, № 4, с. 74.

различных обрядовых действий. Например, в случае болезни ребенка нередко давали обет не стричь его в течение определенного времени, в назначенный день волосы стригли около церкви и оставляли там²⁹; стрижка волос была одним из элементов обряда усыновления у грузин Мегрелии³⁰. В Абхазии тот, кто срезал ребенку первые волосы становился для этой семьи родственником³¹.

Когда ребенку исполнялся год, в горных районах Грузии, в том числе и в Хевсурети, устраивали своеобразное «гадание» о его дальнейшей судьбе. В Хевсурети это называлось *дачвенеба* («показ») или *иагаши часма* («сажание среди орудий»). Вокруг мальчика раскладывали нож, кинжал, ружье, лук и стрелы, пандури, серп, топор, хлеб; около девочки — чесалку для шерсти, прялку, ножницы, веретено, одежду, шерсть, хлеб. Считалось: до чего ребенок первым дотронется, то и определит его судьбу, принесет ему удачу. Хевсуры полагали, что, если мальчик возьмет ружье, из него выйдет хороший охотник и враг «неверных»; если кинжал или саблю — будет защитником от внутренних врагов, смельчаком; пандури — станет певцом и сочинителем шаири, весельчаком; возьмет хлеб — будет богатым, гостеприимным, неутомимым в работе³². Подобное «гадание» было известно и в Западной Грузии (Рача, Имерети), а также у народов Северного Кавказа³³. В Хевсурети в начале XX в. обряд стрижки волос иногда стал производиться в более раннее время — когда ребенку исполнялся год, и оба эти обряда — тавмаспарсо и иагаши часма — устраивали в один день³⁴.

Целая группа обрядов, выполнявшихся в горных районах Грузии семей, где родился ребенок, была связана с почитанием местных святилищ (*джвари*). В Хевсурети были известны два подобных обряда — *сацуле* (букв. — для мальчика) и *мисамбарео* («отдача») или *джвариши гаквана* («вынесение в джвари»).

Обряду *сацуле* придавалось в Хевсурети большое значение: только после него мальчик становился наравне с другими мужчинами общины «рабом» (*кма*) святилища и как следствие этого полноправным членом общины; для него выделяли часть в земельном наделе села, он поступал под покровительство джвари, что также считалось очень важным. День, когда выполнялся обряд *сацуле*, назывался *сацулеоба*, т. е. «праздник по случаю *сацуле*».

В этот день отец ребенка приносил в святилище ячмень и хмель для пива, готовил «дары для *сацуле*» (*сасацулео згвени*): двухлетнего бычка или барана, свечи (*сацуладо сантели*), када и хлеб. *Сацулеоба*, как правило, приурочивали к одному из календарных праздников. Так, в с. Ахиели это было Рождество, в с. Амга — канун Нового года (31 декабря). Если ребенок родился в конце ноября или в декабре, ему справляли *сацуле* на второй год, так как до исполнения 9 недель он был «нечист» и его нельзя было вносить в святилище. Хевсуры, переселившиеся из Архоти на равнину, зимой не могли прийти в джвари, поэтому они справляли *сацуле* летом во время праздника Атенгеноба. В этот день в святилище приносили всех мальчиков, родившихся в тот год, туда же приходили и все жители селения. Служитель джвари по очереди закалывал жертвенных животных и благословлял тех, кто их привел. Кровью жертвенного животного он мазал грудь и лоб ребенку, затем, раздев его, трижды подкатывал под знамя джвари, обращаясь к боже-ству: «...тебе отдаю этого младенца, молю тебя, благословенный, прими

²⁹ Аналогичный обычай был известен также армянам, персам. См.: *Садек Хедаят*. Нейрангистан. — Переднеазиатский этнографический сборник. — Тр. Ин-та этнографии, 1958, т. 39, с. 271; *Кананов М. В.* Народное акушерство на Кавказе. — Научн. беседы врачей Закавказск. повивальн. ин-та. Т. V. Тифлис, 1890, с. 166.

³⁰ *Сахокиа Т.* Культ мертвых у мегрел. — Материалы по этнографии Грузии. Тбилиси, 1940, т. III, с. 181 (на груз. яз.).

³¹ *Джанашиа А.* Абхазы. — Моамбе, 1897, № XI, с. 51 (на груз. яз.).

³² *Макалатия С. И.* Указ. раб., с. 193.

³³ *Смирнова Я. С.* Детский и свадебный циклы..., с. 53.

³⁴ *Габуури Б.* Указ. раб., с. 130; *Камараули А. Я.* Хевсурия. Тбилиси, 1929, с. 93; *Тедорадзе Г.* Указ. раб., с. 96.

его в число своих славных рабов, вырасти, сделай его человеком доброй судьбы... Прими, молим, прикрой полой своего платья, сделай своим рабом, слугой...». После этой церемонии присутствующие благословляли родителей мальчиков, и женщины уносили детей домой. Часть пива, мяса и хлеба из святилища посылали женщинам, которые устраивали угощение в селе. Мужчины пировали в святилище, веселились, пели героические песни, затем угощение продолжалось в доме одного из месацулеев — отца одного из мальчиков, над которым совершался обряд. На этом сацулеоба завершалась³⁵.

Грузинский этнограф Ж. Эриашвили, специально исследовавшая обряд сацуле, установила, что он не исполнялся в тех общинах, где существовали предания об общем происхождении проживавших там семей и о том, что они с самого начала являлись «рабами» объединявшего их святилища. Так, не справляли сацуле представители семей Чинчараули, Арабули, Гогочури, проживавшие в Самагандзурской общине: они считались «изначальными» рабами (*унджи кмеби*) Гуданского джвари. Но те же Чинчараули, переселившиеся в с. Уканахо в Гудамакари (сюда еще ранее перешли жить Циклаури и Бекаури), для того, чтобы стать «рабами» их святилища (Пудзис ангелози) и чтобы таким образом им выделили надел земли, должны были исполнить сацуле. Следовательно, в Хевсурети обряд сацуле выполняли, как правило, только пришлые жители села, так как коренные жители и без того считались «рабами» джвари. Необходимость обряда сацуле определялась тем, что, по убеждению хевсур, покровителем села и собственником его территории являлось джвари, объединявшее все село, поэтому претендовать на эти земли мог только «раб» джвари. Приобретение этого статуса как раз и являлось целью обряда сацуле. По мнению Ж. Эриашвили, происхождение сацуле было связано с распадом родовой общины, когда в нее стали допускаться и неродственные фамилии³⁶.

Обряд *мисамбарео*, или *джвариши гаквана* в отличие от сацуле не был обязательным для всех детей. Его исполняли для ребенка от 1 года до 7 лет лишь в том случае, если он часто плакал или тяжело болел — это воспринималось как указание божества «отдать» его в джвари. Для исполнения обряда необходимы были баран, бурдюк араки, свечи и хлеб, т. е. «дары для отдачи» (*мисамбарео звени*). Служитель джвари кровью жертвенного барана мазал ребенку грудь и лоб, трижды подкатывал голого ребенка под знамя святилища, молился божеству: «Помоги тому, кого к тебе подкатили, укрой его и в поле, и в доме, вырасти, сделай хорошим человеком, полезным отцу-матери...»³⁷. Таким образом, внешне этот обряд напоминал обряд сацуле.

По мнению В. В. Бардавелидзе, обряд сацуле в Хевсурети и близкие ему обряды в других районах Восточной Грузии (гарева, мисамбарео, берад шекенеба) представляли собой сцену усыновления ребенка божеством. Это доказывает также и то обстоятельство, что главным их моментом было подкатывание голого ребенка под знамя джвари (в данном случае знамя олицетворяло само божество) истрижение ему волос служителем святилища, что, как уже отмечалось, считалось в некоторых районах Грузии составной частью обряда усыновления³⁸. Обряды подобного рода засвидетельствованы и в Западной Грузии, например у сванов³⁹.

Рассмотрение комплекса обрядов первых лет жизни ребенка у грузин Хевсурети показывает, что они были приурочены к важнейшим, по народным представлениям, моментам жизни ребенка, отражали опре-

³⁵ Эриашвили Ж. Обряды «сацуле» и «мисамбарео» в Хевсурети. — Материалы по этнографии Грузии, 1972, т. XVI—XVII, с. 177—179 (на груз. яз.); Балиаури М. Указ. раб., с. 212—216.

³⁶ Эриашвили Ж. Сацуле. — Мацне, 1979, № 3, с. 127 (на груз. яз.).

³⁷ Эриашвили Ж. Обряды «сацуле» и «мисамбарео»..., с. 180.

³⁸ Бардавелидзе В. В. Земельные владения древнегрузинских святилищ. — Сов. этнография, 1949, № 1, с. 93; Эриашвили Ж. Сацуле, с. 125.

³⁹ Рухадзе Дж. А. Об одном религиозном празднике в Сванети. — Дзеглис мегобари. В. 55. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1980, с. 35 (на груз. яз.).

деленные этапы его развития — как биологического, так и социального. Часть этих обрядов можно отнести к категории возрастных обрядов, посредством которых происходило выделение определенных этапов в жизненном цикле и оформлялся переход из одной возрастной группы в другую⁴⁰. К началу XX в традиционные сроки их исполнения (в три, пять лет) не всегда соблюдались. Обряд тавмасапарсо стал совершаться главным образом, когда ребенку исполнялся год, как бы завершая период младенчества, и, таким образом, обычно совпадал с обрядом дачвенеба.

Обрядность детского цикла имела непосредственную связь с различными сторонами не только семейного, но и общественного быта. Это выражалось в активном участии широкого круга родственников, соседей, односельчан в обрядах, исполнявшихся в семье ребенка (масанахавис мотана, сацуле, тавмасапарсо). В обрядах первых лет жизни ребенка отразились и некоторые особенности социальных отношений хевсур, их патриархально-родового быта (например, наличие целой группы обрядов, выполнявшихся только по отношению к мальчикам).

Большинство рассмотренных обычаев и обрядов находилось в тесной связи с различными, главным образом дохристианскими, религиозными представлениями. Элементы христианской религии в них также присутствовали, но они были менее многочисленны и обычно сочетались с различными языческими верованиями.

⁴⁰ Коч И. С. К проблеме возрастного символизма.— Сов. этнография, 1981, № 6, с. 100.

Е. А. Глинский, Д. А. Сергеев, Э. Е. Фрадкин

КИТ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ БЕРИНГОМОРСКИХ ЭСКИМОСОВ

Образ кита в идеологических представлениях эскимосов занимал не меньшее место, чем образ мамонта у человека позднепалеолитического времени на территории Евразии.

И мамонт, и кит в равной мере давали в обилии пищу, строительный и поделочный материал. Добыча как мамонта в палеолите, так и кита в неолите оставила глубокий след в сознании человека. Повсюду на открытых стоянках и в пещерах позднепалеолитического времени обнаружены серии небольших скульптурных изображений мамонта из кости, камня и полихромные фрески.

Изображения кита также широко известны по материалам стоянок, погребений эпохи позднего неолита эскимосов и по петроглифам.

Об идеологических представлениях человека эпохи позднего палеолита, связанных с мамонтом, можно судить только по археологическим данным, поэтому духовную культуру человека того времени мы воссоздаем в известной мере умозрительно. Образ кита и представления, с ним связанные, хронологически относятся к более позднему времени и довольно четко прослеживаются на протяжении нескольких тысяч лет, имея непосредственную этнографическую преемственность с неолита до наших дней. При этом история эскимосов сравнительно хорошо изучена и археологически и этнографически на территории как Чукотки, так и Америки.

До недавнего времени мы имели лишь отдельные археологические, этнографические и фольклорные свидетельства о месте кита в религиозных представлениях эскимосов.